

авторъ имѣетъ въ виду исключительно христіанство и ни однимъ словомъ не упоминаетъ о вѣрованіяхъ многихъ сотенъ милліоновъ людей, населяющихъ значительнѣйшую часть земного шара. Самое христіанство онъ понимаетъ по своему, въ духѣ отвлеченнаго аскетизма, ограниченія потребностей плоти и матеріальныхъ стремленій только христіанская организація экономической жизни можетъ, по его мнѣнію, „дать намъ средства, чтобы существенно исправить наше отношеніе къ земной природѣ, чтобы достигнуть благотворнаго вліянія на всю тварь, которая по нашей винѣ стонаетъ и мучится донинѣ“.

Г. Соловьевъ находитъ коренной разладъ между ходомъ всей внѣшней природы и божественнымъ духомъ, побуждающимъ насъ стремиться къ нравственному совершенствованію. Жизнь смѣняющихся организмовъ не имѣетъ ни цѣли, ни смысла; каждое поколѣніе существуетъ лишь затѣмъ, чтобы породить свое потомство, но и это послѣднее живетъ только для порожденія дальнѣйшаго потомства: „значитъ, каждое поколѣніе имѣетъ смыслъ своей жизни только въ слѣдующемъ, т.-е. другими словами, жизнь каждого поколѣнія бессмысленна, а если бессмысленна жизнь каждого, то значитъ—бессмысленна жизнь всѣхъ“. Выводъ былъ бы правиленъ, еслибы жизнь дѣйствительно заключалась лишь въ размноженіи и еслибы организмъ умиралъ вслѣдъ за производствомъ потомства. „Настоящей цѣли,—продолжаетъ авторъ,—нигдѣ не находится, все существующее безцѣльно и бессмысленно какъ неисполнимое стремленіе“; даже грандіозныя системы небесныхъ тѣлъ обречены на гибель, и астрономія предвидитъ уже тѣ времена, когда „земля и другія планеты мертвыми ледяными глыбами будутъ носиться кругомъ потухающаго солнца“. Удивительно, что при такомъ широкомъ взглядѣ на вселенную, авторъ довольствуется міросозерцаніемъ, связывающимъ судьбу всего міра съ чувствами и понятіями существъ, населяющихъ ничтожную пылинку въ хаосѣ вселенной.

Природа людей сама по себѣ безбожна и зловредна, по мнѣнію автора. Мы постоянно совершаемъ убійство, питаемъ тѣлами чужихъ животныхъ; потомъ мы отдаемъ себя во власть „чуждыхъ (?) силъ природы—слѣпago родового влеченія“, отдаемъ свою жизнь (въ половомъ дѣйствіи) для произведенія чужой жизни и такимъ образомъ совершаемъ самоубійство (стр. 7). Поэтому приходится „осудить нашу природу и всю пути ея (въ томъ числѣ нравственные и умственные?) и обратиться къ иному пути; ибо признать путь природы, т.-е. удовлетвореніе своихъ животныхъ потребностей и влеченій, за окончательный законъ нашей жизни, значитъ узаконить убійство и самоубійство и примириться навсегда съ царствомъ смерти“. Осуждая всю нашу